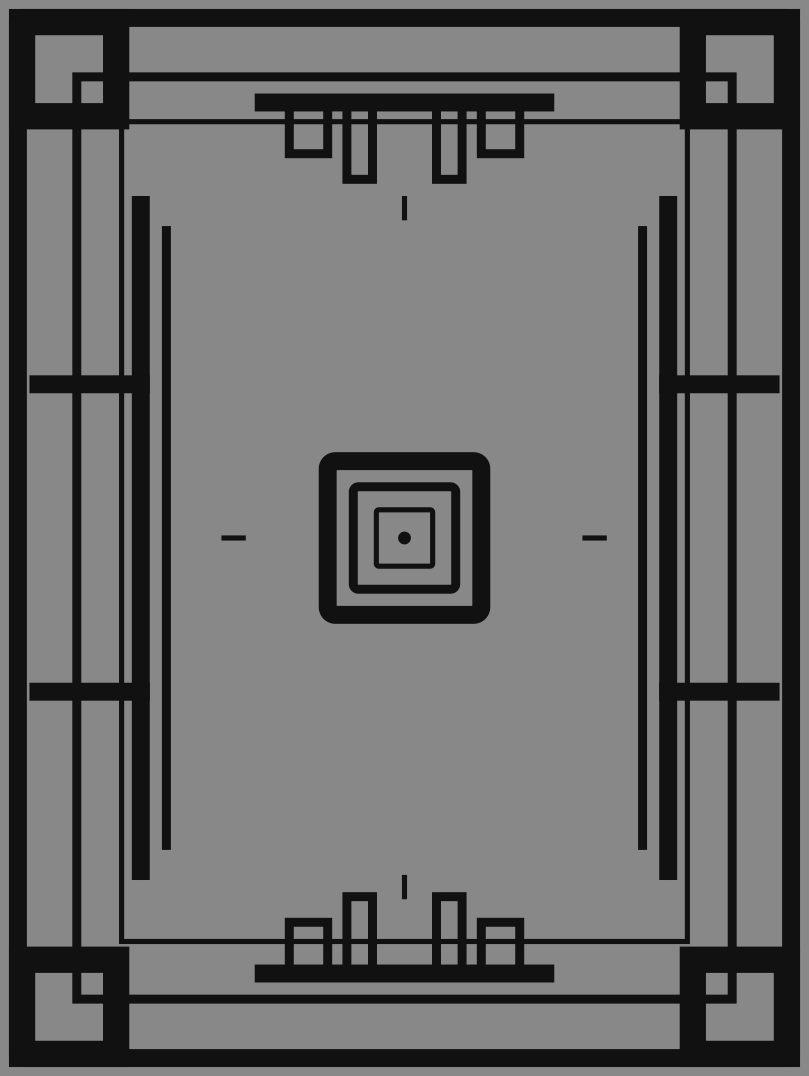

Захолустье
Уильям Гибсон

Уильям Гибсон. Захолустье

Уильям Гибсон
Захолустье

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась по ту сторону глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли — это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

— Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

— А пошел ты со своими ушами, доктор Нагасима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей, как до…

— Нет времени на любовную литанию, мой мальчик. У нас работа. Кстати, что там такое с пятидесятимилливольтовыми всплесками волн в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то

к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

— У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих, я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался натянуть на себя темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

— Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

— Кто в нем?

— Лени Гофмансталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германии. — Он подождал, пока я перестану стонать. — Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмуренными глазами.

— Похоже, ты — ее суррогат, Тоби. Ее профиль ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за «отлучка». Тейлор сейчас в

сельскохозяйственном отсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. И это — только одна из разновидностей профессионального риска. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

— Эй, Тоби, где ты кайф берешь? — ритуальный вопрос. — У Шармейн?

— У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Шармейн.

— Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыграть в невеселую игру под названием «Местечко Тоби Холперта во Вселенной». Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы — внутри толстого приплюснутого цилиндра,

похожего на уменьшенную в четыре раза модель «Циолковского-1», Рая Трудящихся на L-5. «Циолковский-1» зафиксирован в точке либерации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина — десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. Кроме того, за ним мы прячемся от потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто — точкой, аномалией, которую мы зовем «Трассой».

Французы называют ее «le mitro», то есть «подземка», а русские зовут «рекой», но «подземка» не передает расстояния, а понятие «река» для американцев не несет в себе столь острого чувства одиночества. Называйте это «Координатами Аномалии Товыевской», если вам не противно втягивать в это Ольгу. Ольга Товыевская — наша Леди Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила

к переборке Шармейн. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне газетных фотографий, в журнальном глянце. Наша Госпожа Трассы.

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном «Алеуте-6». Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом «Алеутом» могли бы управлять и по радио с «Циолковского», но Ольге захотелось самолично занести точки прохождения в бортовой журнал. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с бомбозондами для изучения космического водорода — заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала на кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой она должна была представлять собой идеал «Трудящейся в космосе» из публикаций в «Правде», поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром «Алеута», она занесла руку над кнопкой, которая запустила бы первую серию бомбозондов. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как Трасса.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, «Алеут», пройдя эти последние километры, выпустил бомбозонды; их взрывы сопровождались выбросом радиоэнергии частотой 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп «Циолковского», который передавал сигнал на геосинхронные комсаты, а те, в свою очередь, переправляли его вниз на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт «Алеута» забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что «Алеут»

исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить шарик из игрового поля.

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита — узкий высокий саркофаг в стиле «Баухауз» с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по исчезающей перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью «UCLA». Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же — дно Рая. В потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, — это «внизу»

мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения — «мирские» стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок — внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по похожим на вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Шармейн; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

— Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. —

Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. — Хиллари…

— На связи, доктор Нагасима, — отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. — Ты говоришь по-французски, Тоби, так ведь?

Гофмансталь знает французский и английский.

— Держись от меня подальше, Хиллари. Говори, когда тебя, черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня грязный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым — тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены вышитыми нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой

марки основного спонсора — предполагалось, что именно эта фирма послала «ХОЛПЕРТА ТОБИ» на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бэдже значилось: «Невский», а ниже то же самое было написано кириллицей — значит, КГБ. Он — не «циолник»: ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет пребывания в искусственной биосреде на L-5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый функционер, который, вероятно, знает восемь способов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу «кармашки и наркотики». Невский опускает микрошприц, заряженный каким-то новым, вызывающим эйфорию галлюциногеном, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и щелкает переключателем, отмечая передачу в своем электронном блокноте. Высвеченный на экранчике блокнота силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью из тира. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает

пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Щелчок. Четырнадцать кармашков. Кокаин — последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

— Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в «железе», Тоби. Помни, она все-таки — технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

— Там до хрена железа, Хиро.

— Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним, похоже, никак не удается встретиться глазами. Прежде чем неловкость увеличилась, он повернулся и, подняв большой палец, подал знак одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в гроб в стиле «Баухауз» и, когда зашипела опускающаяся, как забрало шлема какого-нибудь великана, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой незнакомкой по имени Лени Гофмансталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой через два года. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение было записано на восемнадцати сантиметрах магнитной пленки.

Если бы религиозный человек — да еще со знанием технологии кино — наблюдал за точкой в пространстве, откуда два года назад исчез «Алеут» Ольги, ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Куртц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк «Алеута». Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба

очистителя воздуха, вмонтированного в обшивку, и настраивал фонари шлема. «Алеут» даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Куртц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним водоворотах воздуха. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные, морскими водорослями плавали вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить коммуникационное оборудование голыми руками, решил он и дезактивировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Куртц

протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они стирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука зкзобиология базируется на обескураживающе солидной основе — на целых одном

и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина — продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт — каким бы отдаленным, опосредованным он ни был — с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном «Алеуте-9» к «Координатам Товыевской» послали майора Грожа. За ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последний из своих двадцати водородных запусков, когда его судно исчезло. Ученые зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть что-нибудь, что было бы каким-то специфическим отклонением,

раздражителем, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только корабль Грожа, вырвавшийся из-под контроля. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав «Алеут» на «Циолковский», они обнаружили, что высокоточное регистрирующее оборудование совершенно чисто. Все приборы — в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Грожа заморозили, и на первой же челночной ракете отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился как директор Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

Статика костефона напоминает песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого — тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, какие рассказывают вечерами детям.

— Все чисто, — говорит Хиро. — Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим — как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биоструктуре из-за этого

плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают все, что связано с биодизайном, с тех самых пор, как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на «Циолковском-1». Там произошла кошмарная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе — русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные зеркала Майлара поворачиваются где-то в открытом космосе, следуя расписанию стандартного гринвичского рассвета. В кронах деревьев зазвучало записанное на пленку пение птиц. Птицам тяжко приходится

без естественной гравитации. Мы не можем позволить себе настоящих, потому что они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что большая часть деревьев искусственные, а также — сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между сине-зеленой и диатомовой водорослью в прудах. Шармейн говорит, что она всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров «Диснея» взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о национальной безопасности.

— С корабля Гофмансталь получены обрывки каких-то фраз, — говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт «суррогат-обработчик» вступает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

— Ничего связного… что-то вроде Schqene Maschine… «Хорошая машина»… «умная машина»…

Хиллари кажется, что Гофмансталь говорит довольно спокойно.

— Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и освежающим, как белое вино.

— Где Шармейн?

Он вздохнул — мягкий порыв статики.

— Шармейн следовало быть на Поляне-5, присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься наверх. Так что она будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, — добавил он.

Шармейн бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое — сигарета «Мальборо». Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы затянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в

нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: «Передайте воды». Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась, медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с «Циолковского», и выцветшая футболка «NASA» на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о лихих забавах в компании с десятью «циолниками» и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что она тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро, чтобы сказать нам, что вечеринка окончена.

Через неделю она перебралась ко мне.

— Минутку, о'кей? — Хиро оскалился (ужасающий звук). — Одну. Уно.

С этими словами он исчез, просто отключился,

может быть, даже вырубил прием.

— Как дела на Поляне-5? — пристроившись подле нее, я подыскал себе несколько камешков.

— Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

У нее была та разновидность техасского акцента, при которой «сад» звучит как «зад».

— Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? — я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

— Я говорю на мексиканском диалекте. Гарпии из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. — Один из ее камешков побежал за моим. Когда он утонул, по воде пошли круги. — Что происходит сплошь и рядом, — мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

— Он не выкарабкается. — Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. — Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал показавшийся мне самым плоским камешек, попытался заставить его прыгать через весь пруд, но он утонул. Чем меньше я знаю о чи-

лийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым — один из десяти процентов. Стандартная формулировка «DOA», «мертв по прибытии», применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов «пушечного мяса» — автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках, бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Шармейн и я — суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали — черная пародия на счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось «розеттским камнем» с рецептом, как лечить рак. С той минуты для человеческой расы настало время «грузовой лихорадки». Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не наткнулись и за тысячу лет исследований. Шармейн говорит, что мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы броси-

ли на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Шармейн говорит, что контакт с «высшей» цивилизацией — это то, чего не пожелаешь и заклятому врагу.

— Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот обработке? — она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. — В этот день собрались, наверное, все шишки. Высохшие мудрецы, как это обычно водится в Пентагоне, расселись вдоль длинного стола из прекрасно сымитированного палисандрового дерева. У каждого — чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, приверженцы теории «крысолова» — называй сам, кого вспомнишь. И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть козырную карту, причем для всей профессии, а не для разрозненных группировок. Вот она — западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. А те, кто в себе, выдерживают не

более трех дней, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. — Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. — Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать. «Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята». Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный из, например, Беркли не заявляет вдруг… — растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: — «Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?»

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку огонь нарушает равновесие кислорода и углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

— О'кей, — послышался голос Хиро. — Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

— Удачи тебе, дружок, — мягко сказала Шармейн, делая вид, что поглощена сигаретой. — Бог в помощь.

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслонить себя от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то японские вирши: «Научи нас испытывать желание и научи не испытывать его».

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. «Эге, — говорят тогда остальные мухи, — ну что там по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?» На обочине Трассы любой человеческий язык теряет свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося проклассифицировать иерархию

демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это дает нам хоть какую-то зацепку.

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины — во всяком случае, таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование — ненужный балласт; приборы всегда возвращаются пустыми.

Десятки новых физических школ возникли в русле учения Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей — и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали — одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине ночей Рая нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится до незначительной запятой в истории науки. А Трасса тем временем возвращает искалеченных путников, чтобы во тьме они пробормотали нам

какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться увидеть Картинку-в-Целом. Повторные попытки без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи. Разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие — и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию «черного ящика». «Черный ящик» — разрешенная метафора, Трасса же остается величиной *«х»* во всех разумных уравнениях. Считается, что нам не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик, и том, что мы вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что приходит назад (сошедшая с ума женщина, морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории «черного ящика» заверяют, что главнейшая наша задача — оптимизировать этот обмен. Мы здесь для того, чтобы позаботиться о том, чтобы род человеческий на вложенные

деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например: мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур — тоже «стопщиков», как называет их Шармейн. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом.

Лени Гофмансталь: Выход.

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофмансталь так, чтобы оно пришлось на Поляну-3, известную также как Элизиум. Сидя на корточках возле беседки, образованной переплетением ветвей искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, он напоминал белую матовую куколку с выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполезными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы

удобно разместить суда самых разных размеров. Новые корабли — поменьше, они похожи скорее на обтекаемые машины гонок «Гран-При». Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

— Не нравится мне это, — раздался голос Хиро. — Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так….

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт «суррогат-обработчик» в почти оперативном состоянии. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специфичным зондом, связанным по радио с еще более специфичным психиатром. Когда щелкает, вставая на место, гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего мы никогда не сможем друг другу признаться, — во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на сей раз было что-то ужасающе не так.

Поляна казалась неровно округлой. Что ж, функциональность превыше всего. На самом

деле, она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. С корабля Лени отпилили двигатель, втянули его во внешний цилиндр, потом поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли ее в Рай. Там она оказалась на верхушке гигантского пирога, украшенного вполне убедительными цукатами в виде травы и полевых цветов. Сенсоры заглушили вещанием станции, порты и люк корабля опечатали: предполагается, что Рай станет для новоприбывших сюрпризом.

Я осознал, что спрашиваю себя, вернулась ли Шармейн к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем «улов», когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Я почти почувствовал запах жарящейся рыбы, закрыл глаза, представляя себе, как Шармейн бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка в пруду с рыбами в Раю.

— Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

— Черт побери, черт побери, черт побери… — традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все каким-то образом пошло наперекосяк. Голос переводчицы Хиллари доносился визгливыми полутонами, защитный лед Би-би-си трещал, а она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы распечатать люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока колесо раскрутится само собой. Он просто взорвал шесть встроенных в обшивку зарядов, разом вырвав шлюз. Меня едва не задело обломками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем я вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватился за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом люка рухнул и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластиковой взрывчатки, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край огромного покрывала. Теперь же он был бездонным, как бездна, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем — последние слова, глуби-

на космоса, каждое долгое «прощай» в истории нашей расы. Он заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать этот страх на временную боязнь открытого пространства, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а обработчикам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это — Страх. Это — длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась спрятать нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, похоже, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, задействовав переключатель боли. Жестоко. Раз, еще раз — как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным,

почти домашним, усталый пластик антиперегрузочной кушетки был заклеен отстающими полосками серебристой пленки. Но все, казалось, было отмечено печатью заброшенности. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную щетину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

Хиро — из статики — шептал, молил: «Найди ее, Тоби, сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди…»

Я нашел ее в хирургической нише, узком алькове в дальнем конце центрального коридора. Над ней — Schqene Maschine, сверкающий хирургический манипулятор, его острые длинные руки-клешни были подняты. Хромированные члены ракопаука оканчивались несколькими гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хиллари билась в истерике, почти затерявшись на каком-то далеком канале, захлебывалась рыданиями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах тахономии.

Крови совсем не было. Манипулятор — чисто-

плотная машина, способная аккуратно делать свое дело в условиях нулевой гравитации, отсасывая жидкость при помощи вакуума. Лени умерла за минуту до того, как Хиро взорвал люк. Ее правая рука, разложенная на рабочей поверхности, казалась копией какого-то средневекового рисунка. И эта рука была очищена до кости, наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мускулы и ткани были разложены тщательно и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Физхимик нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, проходит. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на расставленном прозекторском столе. Ее тело напоминало скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона — орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электроники — давно потускнели.

Я попытался объяснить ей… Я говорил:

— Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости

нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня — подобранные ради тебя феромоны, и сам я — ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно чужие тебе люди, но для тебя мы разыграем совершеннейшего незнакомца… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены преждевременной сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы, и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре рельефного круга лифта. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик, описав полукруг,

уступая нам дорогу, развернулся на толстых резиновых колесах.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа, который подкатили к краю поляны. Я его даже не видел, пока не спустился.

— Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Холперт.

Я стоял, покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, желтый костюм на красной территории. Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой блокнот он держал наготове.

— Я должен их забрать, мистер Холперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

— Не принимай их все разом, малыш, — сказал я. И потерял сознание.

Этой ночью Шармейн принесла в мою келью некую особую тьму — индивидуальные дозы, запаянные в плотную пленку. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, ту охотящуюся

черноту, что поджидает, чтобы утащить автостопщиков в Палату, ту тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Шармейн гораздо хитрее меня, когда надо обмануть контролеров вроде Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня вечером во время совещания; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Все это, в сущности, — наша работа, все — как обычно. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы, функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде линий электропередач — и все это слоями встроено в

одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там, в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом. Мы ведь не единственное отсталое племя из тех, что подбирают обрывки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто привозит домой странные вещи, кто привозит панацею от рака, морские ракушки, предметы без названий, — всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но — цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Шармейн, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь море, там, далеко внизу, за непрестанным тараканьим шорохом статики костефона. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни заносило от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Шармейн, пробормотала незнакомое имя, возможно, имя какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Она помнит их всех. Однажды она две недели не давала умереть одному пар-

ню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Шармейн кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда иссякли водородные заряды, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса у тебя никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. «Неважно, что ты пытался покончить жизнь самоубийством, — говорят они, — это случается сплошь и рядом. Это вполне понятно — когда чувствуешь себя отвергнутым». Но я хотел умереть, очень хотел. И Шармейн тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость «подправили», вживили костефоны, спарили с обработчиками.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не позволить нам выйти на дорогу, туда, где побывала сама. Она понимала, что если люди найдут ее, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что я знаю, я все равно хочу пойти по Трассе. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Шармейн. Между нашими ладонями — разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга — ее присутствие почти осязаемо — улыбается нам со всех своих отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.